

Аркадий Тимофеевич Аверченко

**Пропавшая калоша
Доббльса**

Аркадий Тимофеевич Аверченко

Пропавшая калоша Доббльса

*Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=614925
Аверченко А.Т. Рассказы: Эксмо; Москва; 2008*

Аннотация

«... – Ватсон, я вижу – у тебя флюс.

Я удивился:

– Откуда вы это узнали?

– Нужно быть пошлым дураком, чтобы не заметить этого! Ведь
вспухшая щека у тебя подвязана платком.

– Поразительно!! Этакая наблюдательность. ...»

Аркадий Аверченко

Пропавшая калоша Доббльса

(Соч. А. Конан-Дойля)

Мы сидели в своей уютной квартирке на Бэкер-стрит в то время, когда за окном шел дождь и выла буря. (Удивительно: когда я что-нибудь рассказываю о Холмсе, обязательно мне без бури и дождя не обойтись...)

Итак, по обыкновению, выла буря, Холмс, по обыкновению, молча курил, а я, по обыкновению, ожидал своей очереди чему-нибудь удивиться.

– Ватсон, я вижу – у тебя флюс.

Я удивился:

– Откуда вы это узнали?

– Нужно быть пошлым дураком, чтобы не заметить этого!

Ведь вспухшая щека у тебя подвязана платком.

– Поразительно!! Этакая наблюдательность.

Холмс взял кочергу и завязал ее своими жилистыми руками на шее в кокетливый бант. Потом вынул скрипку и сыграл вальс Шопена, ноктюрн Нострадамуса и полонез Васко-де-Гама.

Когда он заканчивал 39-ю симфонию Юлия Генриха Циммермана, в комнату с треском ввалился неизвестный человек в плаще, забрызганный грязью.

– Г. Холмс! Я Джон Бенгам... Ради Бога помогите! У меня украли... украли... Ах! страшно даже вымолвить...

Слезы затуманили его глаза.

– Я знаю, – хладнокровно сказал Холмс. – У вас украли фамильные драгоценности.

Бенгам вытер рукавом слезы и с нескрываемым удивлением взглянул на Шерлока.

– Как вы сказали? Фамильные... что? У меня украли мои стихи.

– Я так и думал! Расскажите обстоятельства дела.

– Какие там обстоятельства! Просто я шел по Трафальгар-скверу и, значит, нес их, стихи-то, под мышкой, а он выхвати да бежать! Я за ним, а калоша и соскочи у него. Ворто убежал, а калоша – вот.

Холмс взял протянутую калошу, осмотрел ее, понюхал, полизал языком и наконец, откусивши кусок, с трудом разжевал его и проглотил.

– Теперь я понимаю! – радостно сказал он.

Мы вперили в него взоры, полные ожидания.

– Я понимаю... Ясно, что эта калоша – резиновая!

Изумленные, мы вскочили с кресел.

Я уже немного привык к этим блестящим выводам, которым Холмс скромно не придавал значения, но на гостя такое проникновение в суть вещей страшно подействовало.

– Господи помилуй! Это колдовство какое-то!

По уходе Бенгама мы помолчали.

– Знаешь, кто это был? – спросил Холмс. – Это мужчина, он говорит по-английски, живет в настоящее время в Лондоне. Занимается поэзией.

Я всплеснул руками:

– Холмс! Вы суший дьявол. Откуда же вы все это знаете?

Холмс презрительно усмехнулся.

– Я знаю еще больше. Я могу утверждать, что вор – несомненно, мужчина!

– Да какая же сорока принесла вам это на хвосте?

– Ты обратил внимание, что калоша мужская? Ясно, что женщины таких калош носить не могут!

Я был подавлен логикой своего знаменитого друга и ходил весь день как дурак.

Двое суток Холмс сидел на диване, курил трубку и играл на скрипке.

Подобно Богу, он сидел в облаках дыма и исполнял свои лучшие мелодии.

Кончивши элегию Ньютона, он перешел на рапсодию Микель-Анджело и на половине этой прелестной безделушки английского композитора обратился ко мне:

– Ну, Ватсон – собирайся! Я таки нашупал нить этого загадочного преступления.

Мы оделись и вышли.

Зная, что Холмса расспрашивать бесполезно, я обратил внимание на дом, к которому мы подходили. Это была редакция «Таймса».

Мы прошли прямо к редактору.

– Сэр, – сказал Холмс, уверенно сжимая тонкие губы. – Если человек, обутый в одну калошу, принесет вам стихи – задержите его и сообщите мне.

Я всплеснул руками:

– Боги! Как это просто... и гениально.

После «Таймса» мы зашли в редакцию «Дэли-Нью», «Пель-Мель» и еще в несколько. Все получили предупреждение.

Затем мы стали выжидать.

Все время стояла хорошая погода, и к нам никто не являлся. Но однажды, когда выла буря и бушевал дождь, кто-то с треском ввалился в комнату забрызганный грязью.

– Холмс, – сказал неизвестный грубым голосом. – Я – Доббльс. Если вы найдете мою пропавшую на Трафальгар-сквере калошу – я вас озолочу. Кстати, отыщите также хозяина этих дрянных стишонок. Из-за чтения этой белиберды я потерял способность пить свою вечернюю порцию виски.

– Ну, мы эти штуки знаем, любезный, – пробормотал Холмс, стараясь свалить негодяя на пол.

Но Доббльс прыгнул к дверям и, бросивши в лицо Шерлока рукопись, как метеор скатился с лестницы и исчез. Другую калошу мы нашли после в передней.

Я мог бы рассказать еще о судьбе поэта Бенгама, его стихов и пары калош, но так как здесь замешаны коронованные

особы, то это не представляется удобным.

Кроме этого преступления, Холмс открыл и другие, может быть, более интересные, но я рассказал о пропавшей калоше Доббльса как о деле, наиболее типичном для Шерлока.